

НАТАЛЬЯ ЛИТВЯКОВА

#СтранаОдесса, или шутки в сторону!

ЮМОР НАТАЛЬИ ВИКТОРОВНЫ

Наталья Викторовна Литвякова

#СтранаОдесса, или

Шутки в сторону! Юмор

Натальи Викторовны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56342883

ISBN 9785005105813

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Марк Аркадьич, адвокат из Одессы, и его жена Роза Львовна, владельцы двух сыновей, одного кота Барсика и трёхкомнатной квартиры, просто хотят жить в тепле и уюте до конца дней своих. Проблема только в том, что у супругов несколько разнятся, а иногда и прямо расходятся взгляды на совместное счастье в семейной жизни. Есть ли жизнь после брака, после дружбы, а также – на Марсе и в прочих отношениях повседневной жизни, можно узнать из этой или других историй сборника Натальи Викторовны. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

Содержание

От автора	6
#СтранаОдесса	7
История первая. Отчаянный кроссворд	7
История вторая. Мейн-кун канадской породы	11
История третья. Репетиция	13
История четвёртая. Фигура	15
История пятая. Выбор	17
История шестая. Дипломатические переговоры	19
История седьмая. Нобелевская речь Розы	22
История восьмая. График	24
История девятая. Бенефис Марка Аркадьевича	27
История десятая. Роза Львовна не ждёт гостей	30
История одиннадцатая. Цветочки-розочки	33
История двенадцатая. Террорист	36
История тринадцатая. Кашне с маками	40
История четырнадцатая. В командировку!	43
История пятнадцатая. В стихах.	46
Поспели груши в саду у дяди Саши	48
История первая. У вас товар, у нас...	48
История вторая. Сам себе кузнец	51
История третья. За дешевизной	53

История четвёртая. Алыча раздора	56
История пятая. Траур по Борису Ивановичу	58
История шестая. Око за око, шланг за шланг	60
История седьмая. Молоток	63
История восьмая. Анубис, или египетская сила	66
История девятая. Завтра	69
История десятая. Поход	73
История одиннадцатая. Вот те крест!	77
Не влюбись в Италию	83
Глава 1	83
Глава 2	86
Глава 3	88
Глава 4	91
Глава 5	94
Глава 6	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

**#СтранаОдесса, или
Шутки в сторону!
Юмор Натальи
Викторовны**

**Наталья Викторовна
Литвякова**

Иллюстратор Антонина Любецкая

© Наталья Викторовна Литвякова, 2020

© Антонина Любецкая, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-0581-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Приказываю объявить благодарность:

– моей семье: мужу, детям, внучке, близким родственникам;

– друзьям, реальным и виртуальным;

– читателям и подписчикам в инстаграме

за поддержку и за веру в писательские способности Натальи Викторовны; за тёплые и душевные слова в беседах, в комментариях; за помощь и за консультацию в делах литературных и издательских; за дружеские пинки и за волшебные пендели; за эмоции, грустные и весёлые.

– ну, и Наталье Викторовне тоже: благодарность и большую медаль на шею – наконец-то она взяла и сделала. Издала этот сборник :).

Добро пожаловать на его страницы!

#СтранаОдесса

Маленькие истории большой семейной жизни

История первая. Отчаянный кроссворд

– Адочка, а шо ты ложишь в то блюдо?

– Розочка, а шо за кроссворды с обеда пораньше?

На правах старых врагов Ада и Роза уже давно не здоровались по телефону. Беседа начиналась так, словно дамы сидят на одной кухне и пьют чай. Словно их не разделяют два этажа по вертикали и один подъезд по горизонтали кирпичного муравейника.

– И всегда, всегда – при открытых окнах, – притворно жалуется Семён Григорьевич рыжему коту. Оба сидят у подъезда, где живёт Роза, и даже уши выставили одинаково. – Как будто кому есть дело за их жизнь? И это в восемь утра!

А дальше Ада Борисовна уточняет, выглядывая во двор:

– Шо за конкретно в моем меню тебя интересует, Роза?

И по какой, стесняюсь спросить, причине, гадать мне твои буквы?

– Ой: да я не могу вслух об этом говорить, не то, шо думать! Ты же знаешь моего Марека! Он уже с утра достал свой лучший похоронный костюм и в третий раз переписал завещание!

– Причём тут, извиняюсь, твой Марек и моё кулинарное искусство? Я шо-то не пойму, говори разборчивей.

– Ах, боже ж мой, Адочка! Сотри с лица наивность! – Роза Львовна подходит к окну, шумно вздыхает. – Как ваше ничего, Семён Григорьевич? – накручивает волнительно телефонный шнур на палец и уходит в комнату, подальше от окна, продолжает. – Ну, ты же помнишь кто появляется на горизонте нашей счастливой семейной жизни по пятницам? Таки я хочу устроить ей сюрприз, но Марек и слышать об этом не догадывается!

– Розочка, мы с тобой щас как два одэссита: ты себе – знаешь, я себе – думаю, шо хочу. Ты хоть одну букву скажи, об каком блюде ты толкуешь уже полчаса моего драгоценного времени, а я и не в курсе!

– И кто ж из этих Штирлицей первый расколется? – гадают Семён Григорьевич с котом.

– Издрасьте: я и не в курсе! – возмущается Роза Львовна про себя, но вслух произносит только. – Я же ж хотела сде-

лать комплимент за твою домовитость и кулинарный талант шеф-повара, не меньше. Так шо ты ложишь в то блюдо?

Признал поражение Штирлиц с первого этажа: время бежит, а секретный ингредиент не разгадан. А ещё таки нужно сделать базар! Ада Борисовна, услышав нотки отчаяния в голосе оппонента, снисходит к милости. Щедро перечисляет нужные продукты.

– Адочка Борисовна, та я итак знаю: селёдку подержать в молоке, масло не топить, яйца варить, яблоки только... – тут Роза запнулась. – Эти, как их...

– На «Эс», – наставляет собеседница.

– Ну да! – страдальщицки морщится Розочка, но вспомнить не может.

– Только «симеринку»!

– Да! Но шо ты...

– Тихо! Приложи ухо к трубке, – шепчет Адочка Борисовна. – Никого рядом нет?

– Та нет же, – умоляюще произносит Розочка. – Однако, ещё чуть-чуть интриги – и всё сбегутся!

– Имбирь!! – вопит Адочка на 3-м этаже с такой силой, что с липы взлетает стайка воробьёв, а старик с котом от неожиданности подпрыгивают на лавочке.

– Форшмак будет готовить, – обращается к коту Семён Григорьевич. – Значит, в третью квартиру мама едет. Значит, Розочка всю дорогу по вертикали стоять будет, в стой-

ке «Смирно», а Марк Аркадьич в горизонтали отлёживаться. Как всегда! С мигренью сляжет, к гадалке не ходи! Вот, и весь кроссворд, да, Рыжик?

История вторая. Мейнкун канадской породы

Четыре чёрненьких чумазеньких котёнка умудрилась раздать Розочка.

– Для Розы Львовны – пара незаметных пустьяков, как говорят у нас в Одессе, – авторитетно заявляет Семён Григорьич, соседский дедушка. – А шо вы хотели? Когда дворовая кошка приносит в подоле по 5 штук ежеквартально? По неволе набьёшь руку в этом деле. А у Розочки способность с детства, я вас заверяю, – обращался сосед к рыжему коту на лавочке. Предполагаемому счастливому папаше.

Четыре раза брала Роза Львовна лучшую корзину. Украшала бывшим халатом мужа. Марк Аркадьевич, конечно, сомневался в этой пользе.

– Но таки пришла Софочка, подруга, – комментировал Семён Григорьич. – И со словами «почему нет, когда – да», изрезала чистейшую махру. Мощная артиллерия, скажу я тебе, Рыжик. Крейсеру не устоять, куда там Марку Аркадьичу!

Четыре раза ходила Розочка на блошиный рынок и пристраивала котят в хорошие руки. «Возьмите задаром, ведь это не те деньги, которых у вас нет, – ловко всучивала од-

ного, – имейте счепотку жалости на своё сердце», – и вот уже второй Черныш обретал хозяев. А с пятым случился казус: Роза Львовна вдруг разглядела за ним будущее, ещё и «красавчик такой, что моя брошь». Вместо рынка притащила домой. Марк Аркадьевич был очень недоволен и сперва врасплохе. Затем три дня мигрени и укор халатом: демонстрировались бранные останки. «Таки имею кое-что сказать я в этом доме!» – сообщал, и шёл переписывать завещание в очередной раз.

– Ой, Марек, – закатывала к потолку глаза супруга. – Я импресарио тебе, или где? Шоб ты устраивал тут бенефис! Трижды смеюсь за твой драматический талант!

Роза Львовна взяла пушистика за шкуру:

– Ты лучше посмотри, какой колёр: к счастью, не меньше. А уши? И как удачно прикинулся мейн-куном! Опять же, по выгодной цене – за так!

Марк Аркадьевич так просто не сдавался. Выдвинул ряд ответных требований касательно меню совместной жизни.

– Та я согласна! Всё равно, лишь бы – да! – скрещивала пальцы за спиной Розочка. И прижимала к груди – теперь уже мейн-куна. («Канадской породы, я вас уверяю!»).

– И на твоём месте, Рыжий, я бы повременил с личной жизнью, – внушал Семён Григорьевич коту на лавочке. – Марк Аркадьич – мущина положительный со всех сторон, но фаберже открутит! Если шо.

История третья. Репетиция

– Розочка! Я дико извиняюсь: но, шо таки, за ради бога, происходит в нашем доме? Мы мало едим рыбы? – Марк Аркадьевич стоял в центре зала. Лево́й руко́й придержи́вает полосатую подтяжку, право́й – картинно машет бумажками. На сеточке для волос воинственно сверкнули очки.

– Марек? – отозвалась с дивана больным голосом супруга, вздохнула укоризненно.

– Вот уже битый час я в роли цыганки Азы гадаю телеграммы. Но нет пророка в отечестве, или я не прав? «Буду три дня. Папа». Шо за кредо жизни, стесняюсь спросить? Три дня когда: вчера, сегодня или таки через пять лет? А следом: «Изольда Романовна позже»? Мои двенадцать присяжных, – Марк Аркадьевич сдёрнул очки (вместе с сеточкой) и постучал себя по маковке, – отказываются заседать.

– Тренирует храбрость, – комментировал ситуацию сосед, Семён Григорьич, коту на лавочке у подъезда. – Лучшая защита, Рыжик, – это нападение. Нелегко охранять свой прайд, когда вокруг рыщут хищники. Пусть даже родственники. Ты-то знаешь.

– Мяу! – ответил тот.

– Марек, не думай из себя Ленина, слась с броневика.

Общество уже слышало апрельские тезисы, и посмотри, шо с ним стало, – голос Розочки стал крепчать, она приподнялась на локте. – Тише, прошу тебя. Лето на дворе, и окна – на всю громкость. К чему весь этот спич о фосфоре, ей-богу. Таки папа будет через три дня. Че-рез! Шо тут непонятного?

Марк Аркадьевич молча боролся с сеточкой, вцепившейся в очки насмерть. В сердцах порвал и топнул ногой:

– Папа экономит на предлогах, Марек – отдувайся! Но Изольду Романовну, интересуюсь, когда изволите...

– А маму должен ждать всегда! – перебила Роза Львовна. – Положительно ты прав: на ужин приготовлю карпа! – она откинулась на подушки, – и отойди, пожалуйста, от телевизора, не загораживай мне жизнь.

– Теперь черёд Марк Аркадьича, – заметил рыжему собеседнику Семён Григорьич. – Вытягиваться по струнке.

К подъезду подъехало такси. Хлопнула дверца. Из машины выкатился недовольный пассажир с двумя чемоданами.

– Лев Михалыч прибыл, смотри-ка, – сосед потрепал ко-та. – Опять пораньше за три дня. Случайно вышло, в пятый таки раз. А Марк Аркадьич снова не готов. Быть сейчас концерту, шоб все так жили!

История четвёртая. Фигура

– Роза Львовна! Имею таки желание сказать вам, шо утро сегодня в очередной раз недоброе. Перестаньте стучать спицами по моим нервам, как сосед по батарее, а слушайте сюда. Давно не брал я в руки ложку. Не то, шобы с борщом, – с лапшой хотя бы. Когда я согласился на инородное тело в нашем доме, – тут Марк Аркадьевич откашлялся и взял за шкирку котёнка, демонстрируя «тело». – Похоронил халат, две пары новых туфель и мечты на тихую гавань в своей бурной жизни. Взамен вы обещали меню как в лучших рэсторанах. И шо в ответ я вижу, Роза Львовна?

– Марек! – супруга в удивлении отложила вязание. – Марек, у тебя есть лишнее здоровье, шобы так себя вести?

– Роза Львовна! Я попрошу вас...

– Та боже ж мой! Не так шустро, а то не дай бог, догоним вчерашний скандал. Имеешь сказать – говори, но пока есть куда – слушай. Во-первых, шо за фамильярность – «Роза Львовна»? Так бесцеремонно ты со мной не обходился со времён первого курса института. Во-вторых, верни овсянку в то место, где ей надо быть – в твой организм. А, в-третьих, – тут Розочка встала, легонечко подпихнула мужа, подошла к секретеру. Открыла верхний ящичек, вынула тетрадку. Сверилась с записью и часами на стене. – В-третьих, один месяц, три дня и почти шо сорок минут назад, ты забе-

ременел мой мозг по поводу фигуры. Мол, за ней не только перестали следить, но и даже вести наблюдение. Было?

– Роза?

– Уже не спрашивай вопросы. На тебе, такое выкинуть! Стоять с претензией на то, шо берегут его полнейшее здоровье. По его же просьбе! И попрекать несчастную жену, можно сказать, единственной радостью в жизни! Положь кота, где взял!

– Розочка! – муж в изнеможении приложил котёнка ко лбу. Потом спохватился и бережно вернул живность на стул. – Розочка! Таки речь шла не о моей фигуре!

– Марк Аркадьич, не усугубляй!

– Я вовсе не...

– Тогда убери своё мнение с лица, как говорят в Одессе, и ешь овсянку дальше.

– А борщч?

– Ты уверен, шо ни одна фигура не пострадает больше, Марек? Да? Ну, ладно, будет тебе борщч. Как из чего? Марк Аркадьич, учти, а лучше запиши, он будет из последних моих сил!

История пятая. Выбор

С утра Роза Львовна находилась в трудной жизненной ситуации. Ей необходимо было срочно выбрать, с кем из подруг идти в магазин готового платья.

– Хоть пасьянс раскладывай, – вздыхает Роза. – С Адочкой? Или с Софочкой?

– Серпентарий подруг, – как заметил однажды сосед Семён Григорьич. – А ведь из одной песочницы вылупились!

– А всё – Марек, – пожаловалась Розочка карточной колоде. – Он меня совершенно устал вчера своим диспутом.

Марк Аркадьич давеча заявил, что ему просто позарез нужно подправить немножечко здоровья. Где-нибудь на берегу курортного типа. Ему, видите ли, как инженеру Брунсу, который на 12 стульях сидит, захотелось ласки тропической флоры: чтобы «накрахмаленные листья пальмы бросали острые и резкие тени»; «чтобы драцены гремели листьями» и, чтобы – «гусик». Гусик – непременно!

– И шо мне тот Брунс? Да тю, говорю: у него своя мебель, у нас – своя. Дача таки тебе не санаторий? – спросила Роза бубнового короля, что так некстати выскочил и склонил чашу весов в сторону Адочки. Как будто мужа спросила.

Вздохнула артиллерийской грудью. – Вот и он говорит: нет, мол: тут вам не здесь. На тебе, Розочка, денег, купи для отдыха новых платьев сколько хочешь, хоть два. И не спеши, а то успеешь. Я-то переживу эту премьеру щедрости молча, но девочки?

Роза Львовна покачала головой, глядя на выпавшую червонную даму. Акции Софочки возросли на два пункта.

– Это ж всё равно, шо выбирать между какавой и капучиной. Цвет один, происхождение разное. Нет, он явно бережет меня от положительных эмоций. Марек, Марек! Ты приобрёл путёвки, или мне забыть об этом навсегда?

Роза Львовна поднялась со стула и нечаянно взглянула в окно: суровой поступью генерала по тротуару шагала Софочка. Рядом денщиком семенила Адочка.

– Марк! – Роза Львовна приняла тут же больной вид и горизонтальное положение. – Ма-рек! Скажи, шо меня нет! Скажи им в глазок, шо я при смерти и мне не до скандалу...

История шестая.

Дипломатические переговоры

Роза Львовна наострила лыжи в Москву: Марк Аркадьич, наконец, заработал себе отпуск. «А также грыжу, подагру и язву. В фартуке», – добавлял он, оглядываясь. Потому как столица для него – не рай ни разу: «шо я там забыл у той Москве?». И закрывал уши руками, ибо многочисленный дождь вариантов того, «шо он там забыл», обрушивался незамедлительно.

В общем, ещё не начал отдыхать толком, а уже затосковал по работе: Роза Львовна начала переговоры.

– Нет ли нынче громкого процесса? Хочу отсидеться в суде? Да. Как в окопе. Ибо Розочка хочет моей смерти», – жаловался он коллеге-адвокату по телефону. – Хочет, шоб я умер во цвете лет, и лежал себе на кладбище, как ни в чём не бывало. А она таки сделает Москву, что твой базар, без угрызения совести. Хотя какая совесть, спрашивается, может быть у женщины с овсянкой наперевес?

Марек любил покушать и очень переживал, когда Розочка начинала беспокоиться о его здоровье и питании.

– Марк Аркадьич, – ласково, с железной ноткой в голосе, обращалась она, и ставила очередную тарелку с геркулесом

на стол. И, чем ближе подходил первый день отпуска, тем ласковей звучал металл. – А в Москве сейчас погоды стоят дивные, красота! Прямо чувствую, как она мацает мою душу за рёбра! Особенно, когда вижу себя в ГУМе.

Супруг демонстративно хватался за грудь и закатывал глаза.

– Что вы трогаете себя за здесь, – забирала Розочка, тем не менее, пустую тарелку. – Вы вполне способны пережить инфаркт здоровым. Не молчите так громко: вы похожи на расстроенный рояль, а я ж ещё не открывала крышку, чтобы поиграть.

Марк Аркадьич обиженно сопел. Марк Аркадьич хотел в санаторий. Там массаж и прочие приятные процедуры. Там можно носить белую шляпу, спать после обеда и играть в шахматы под сенью пальм в зимнем саду. Там...

– Вопрос чисто риторический, но таки лично к вам, и за Москву, – врывалась Роза Львовна в его мечты. – Мы поедем, или вы будете настаивать делать мне обидно?

Супруг в который раз «расставлял уши на ширину плеч и слушал сюда». Плюсы поездки в Москву с каждой минутой становились неоспоримы. Величественный ГУМ югославскими сапогами давил на плечи. Из-под дивана, лязгая замками, ворчал польский чемодан. Сеточка для волос на голове мужа стала на цыпочки, а очки соскользнули на край пропасти к кончику носа.

– Дайте женщине мечту, и она перевернёт весь мир, – бормотал Марк Аркадьич, надевая пальто. – Так шо ты говорила, Розочка? Плацкарт не брать, ни в коем случае?

Переговоры на высшем уровне прошли успешно. Роза Львовна дипломат от бога. Не сомневайтесь даже.

История седьмая. Нобелевская речь Розы

– Таки я делала сегодня базар, Марк Аркадьич. Ходила терпеть унижения за ради вашего форшмака. Я пыталась убедить этого бывшего портного в рыбном ряду – шо он понимает в рыбе? – она мне надо на сейчас, а не завтра. Вам на поесть или на похвастаться, спрашивает. Издрасьте вам! Нет, ты представляешь, Марек? При этом цену заломил – отступить можно до самой луны и даже дальше!

Может, мне ещё мясо положить и запечь в духовке, отвечаю ему, в эту холодную со всех сторон, рыбную закуску? Вам же ж таки с погребца виднее, за порядочных хозяек? С такими, говорю ему, скаженными запросами, как ваши, её готовить только при царе Соломоне, уверяю. Вчера. И я интересуюсь знать, где документы этой селёдки? Покажите, прежде чем тулить мне вашу рыбу!

Та не надо мне шутить про свидетельство о смерти, и без него вижу, она – мумия. Я интересуюсь за её рождение, потому шо она родилась – как хотите, но я же вижу, шо явно – в те времена, когда для её вымачивания использовали заварку. И таки имеет запрещённый нынче ржавый цвет!

За исполнения этой драмы в вашем одном лице, говорю ему, я не успею купить ни яблок, ни масла, ни яиц. Ни той приправы, шо для меня открыла Адочка. Да, имбирь. И те-

перь у моего форшмака раздвинулись горизонты и только светлое будущее впереди, не смотря на ваши происки, товарищ рыбный продавец, шоб вам сшили такие брюки, как ваша селёдка. И не смотря на приезд вашей мамы, Марк Аркадьич!

– Розочка!

– Да, да, именно так.

– Та я не о том. Ты ж вроде как не разговариваешь со мной?

– То есть ты считаешь, шо заслужил такого счастья? Марк Аркадьич, ты много за себя возомнил!

– Тогда я аплодирую стоя твоему выступлению, Розочка. Оно достойно Голубого зала в Стокгольме, не меньше! И, шо, селёдка? Купила?

История восьмая. График

– Роза Львовна нынче в трауре, хочет того или – да, – обратился Семён Григорыч к своему постоянному собеседнику. – Мишенька решил жениться. Я уже сбился со счёту: ему в который раз отсыпали жменю храбрости, и всё – никак, – дед подпихнул острым локоточком рыжего котяру, – ой, откуда знаю, откуда знаю? – зря, шо ли, почтальонша из подъезда неслась, аж – ноги за ушами подпрыгивали.

Окно на первом этаже с силой распахнулось.

– Нет, вы видели это дитё? – Роза Львовна выглянула, облокотившись на подоконник. Он слегка крикнул, а дама, так обнаружив зрителя в первом ряду, потрясла конвертом.

– И где? – с готовностью отозвался Семён Григорыч.

– А я за шо? – соседка махнула рукой, горестно поджала губы. – Неблагодарное дитё! Чему их учат там, в этих ликбезах? Портить жизнь маме, и ни разу не поперхнуться!

– Роза Львовна, ты собираешься дать концерт? Так собери тогда хотя бы денег, – за её спиной появился Марк Аркадьич.

– Нет, мне нравится мнение на твоём лице, Марек. Ребёнка тянут в порочный круг, а он тут Райкина изображает. Шоб так жила Зоя сверху, со своей зарядкой в шесть утра, как ты любишь Мишеньку!

– Рыжик, ты помнишь анекдот? – в сторону и нарочито громко произнёс Семён Григорьич. – «Я таки хочу жениться. – И кто вам не даёт? – Никто не даёт!», – старик с котом прислушались, но выпад никто не заметил.

– Розочка, перестаньте сказать чушь. Миша взрослый мальчик, он заканчивает аспирантуры, и совершенно логично, шо имеет желание устроить личную жизнь. И причём тут, спрашивается, несчастная Зоя?

– И я говорю: ты совсем не любишь своё родное дитё!

– Люблю, – не согласился Марек. – но, Розочка! А, когда, по-твоему, Мишеньке обзаводиться ячейкой общества? По какому расписанию? На погосте?

– Хотя. Марк Аркадьич, конечно, даёт. Но перевес таки не в его сторону, – прокомментировал сосед. – Шоб Розочка разрешила мальчику жениться? Ни в жисть, он же ж ещё не дожил до пенсии. Даже.

– Марек, не морочь мне голову своими диаграммами, немедленно заказывай билеты. Ребёнка спасти надо, пока он свою скрипку задаром не отдал!

– Розочка, а согласно твоему графику за жизнь, мы останемся без внуков. И что тогда нам та скрипка?

Сосед покачал головой:

– Когда в товарищах согласия нет, они несут кобылы си-
вой бред. Куда несут? Куда глаза глядят. Абсурд! – конечно:
с головы до пят. И тому бреду нет конца, лам-ца-дрица! Лам-
ца-ца! – почесал кота за ухом.

– Вы имели что-то сказать, Сёма Григорьич? – нахмури-
лась Роза Львовна из окна. – Нет, вы только посмотрите, как
сегодня всем жмут мозги – за мир страшно!

– Я б такой график-шмафиг – на фиг, – парировал сосед
и щёлкнул пальцами.

– Розочка! – донёсся голос Марка Аркадьича издалека. –
А билетов нет!

– И походу – не я один, чтоб все так жили, – усмехнулся
сосед. – Да, Рыжик?

История девятая. Бенефис Марка Аркадьевича

– Моё почтение, Семён Григорьич, – возле лавочки оставился сосед.

– Наше – вам, – приподнял кепку на макушкой дед, а затем аккуратно спустил на асфальт бублик рыжего кота. Тот недовольно зевнул и продолжил спать, нервно постукивая кончиком хвоста. Семён Григорьич пригласительно похлопал по освободившемуся месту на лавочке. – Спрашивайте!

– Как ваше ничего?

– Именно! – поднял указательный палец к небу дед. – Таки именно, что – НИЧЕГО, Марк Аркадьич!

Мужчины в унисон вздохнули.

– А где у вас случилось? Вы, я вижу, так спешите к Розе Львовне, аж – волосы назад. Шнурками клацаете по паркету, – нарушил молчание Семён Григорьич.

Марк Аркадьич молча обмахивался шляпой, делал вид, что ему жарко со всех сторон.

– Розочка Львовна три раза хлопала дверцей вашего агрегата. Я лично слышал вот этими вот самыми ушами. Вы представляете силу её мысли, если уж Рыжий подпрыгивал и шипел таки спросонья, шо моя кобра в тыща шесят первом году. Девятьсот. Разве ж так можно относиться к веш-

чи? Нехай бы дверцей в такси так стучала, как вашим холодильником!

Сосед разволновался – положил шляпу на портфель.

– А шо вы так тряндите, Марк Аркадьич? Слово вставить невозможно: разговорчивый, буквально – Фима Шпак после зубного врача. Я, знаете ли, уже устал тут с вами телебомкать языком изо всех сил, – не унимался Семён Григорьевич в надежде на диалог.

Марек пожевал губами, собрал брови в кучу, пригладил волосы. А после подготовки к выступлению выпалил:

– У Розы Львовны появился другой!

Шмяк! – пачка сигарет упала коту на голову, тот подскокил от неожиданности. Выгнулся дугой: мяу, Сёма! Григорьич наклонился, пошарил рукой вокруг.

– Тю на тебя, Аркадьич, ошалапетил? – дед, наконец нашёл потерю. – Глазами таки видел или нафантазировал за признаки?

Марек махнул рукой:

– Чтоб вы так жили, как я фантазирую, – начал загибать пальцы. – По утрам он уже торчит на кухне, первей моего кофа, это как? Розочка бежит до него по первому зову, роняя тапки.

– Розочка? Таки Роза Львовна?

– Бежит-бежит, говорю я вам. Едва услышит чих, уже на-

званивает доктору. А форшмака такого не ела и моя мама в свои редкие, по пятницам, визиты, какой обед готовит Розочка для этой наглой морды. Конечно! Зачем теперь ей Марек? Когда тут такое счастье под боком. На 8 кг, если прикинуть!

– Да тьфу на тебя три раза, внуков тебе на шею, Аркадьич. Забудешь тогда и завещание как писать, по три раза на дню! Другой, пфф! До Барсика составить претензии! Иди уже домой и не морочь людям голову, – Семён Григорьевич в сердцах бросил сигарету.

Марк Аркадьич оскорблённо поднялся с лавочки:

– И вам не хворать.

– Тут добрые люди настроились в концерт, пенсне на носе запотело, и нате, – Барсик! Кина не будет, кинщик сдох, – дедок в возмущении подхватил Рыжего под мышку, зашаркал к подъезду. – Ты слышал? Бедный Лев, кому он отдал свою дочь? Шоб я так жил за его щедрость!

История десятая. Роза Львовна не ждёт гостей

– Та ни одной её ноги не будет в моём доме. Ни одной, Адочка Борисовна. Что значит, я так говорю, будто их у неё четыре. А, по-твоему, сколько? Или она форшмак руками делала? Ты пробовала? Нет? И, слава богу. А я пробовала. И Марек тоже. Так наше здоровье с тех пор сильно пошатнулось, и не в ту сторону. Погоди, не клади трубку.

Марек! Я просила тебя посмотреть за рыбу в духовке, а не акулу Сенкевича по телевизору. Чтоб так Инга Петровна жила с паспортного стола, как ты смотришь. Бежит, как на пожар, а дом уже сторел. Нет, мне это нравится: если карп весь из себя живой, так можно бросить на произвол судьбы? Отойди теперь и не сверли его глазами, он ничего тебе не должен. Не лакай с пола, фу!

Причём тут Марек, Ада? Барсик. Почему я мужа называю Барсиком? Адочка, не морочь мне голову. Барсик лакает, а Марек ухом не ведёт, шо его локоть живёт своей жизнью. Стакана нет. Молока нет. Кот подобрал миллион микробов, разве ж за ними успеешь? Размножаются, как не в себя. Причём тут Барсик? Микробы. Ты меня совсем таки не слушаешь сюда. Про ноги? Какие ноги? Не будет ни одной ноги, говорю. Я имела терпение, когда Лёвушка пришёл и сказал, здрасьте, мама, концерт окончен, ша. А маме хоть самой те-

перь играй на пианине, та кто бы слушал. Я имела молчание изо всех сил, когда Лёвушка, прибежал и сказал, шо он вырос – вот вам Фира. Я даже не заметила, что там ни одной чашки за душой. Мать всегда примет выбор, хоть это и не дитё, а сплошное несчастье между тут и среди здесь. Фира, так Фира.

Всю свою голову свертела за разглядеть, где так согрешила, чтоб посылать на неё такое наказание? Причём тут Фира? У неё приличные ноги. И даже руки. Я говорю тебе за Мишеньку, Ада! Шобы Мишенька бросил скрипку! И аспирантуру? И надежды матери?

Марек, отойди от духовки. Не трогай Барсика. Ты руки мыл? Мацаешь животное не пойми чем. Делает из себя вид, что он Бетховен. Таки тот, хотя бы музыку писал, а ты просто не слышишь. Потакает Мишеньке во всём. Даже форшмак ему понравился. Да, тот. Ой, Марек, шоб всем так везло, как он вкусный. Идите с Барсиком, смотрите «Семнадцать мгновений». Таки вам полезно про предателей. Их там стреляют.

Нет, ты слышала, Адочка? Я устраиваю скандал. Нашёл себе Хрущёва. Я просто имею таки своё мнение. И не стучу ботинком по трибуне, хотя надо бы. Когда приезжают? Да сегодня, сегодня. Вечером. С ней. Издрасьте, не бери дурного в голову. А где ты видела нынче хорошее? Несчастливая мать – дети разбежались будто тараканы, у них там дихлофос

вкусней. А теперь везут с собой военнопленных, как в том анекдоте.

Что приготовила? Ну, разумеется. По твоему рецепту. Конечно, с имбирём. Ой, Адочка Борисовна, не строй из себя свекровь, я сама такая. Погоди, дай платок возьму. И карп, да. И прakes. Нет, мне нравится, она смеётся с Розы Львовны. Всё, некогда мне тут с тобой. Рыба сторит, а ноги – на пороге!

История одиннадцатая.

Цветочки-розочки

– Розочка таки Львовна, стесняюсь спросить.

– Марек, стесняйся у мамы на обеде, когда пятый голубец лопаешь.

– Розочка, та я только три штучки съел.

– И два, когда я отвернулась. У тебя за ушами так трещало, аж Аркадий Михалыч, дай бог ему здоровья на долгие года, чтоб жить с твоей мамою, оглох. В отличие от меня. Так что я прекрасно слышала, как морю голодом бедного мальчику. И ничего, что тому мальчику сто лет в обед, и он таки без пяти минут дедушка. Марк Аркадьич, у вас есть добавка по существу вопроса? Ах, нет. Тогда я слушаю, – не то, чтобы Роза Львовна пилила семью, но иногда находило. «Курво-метр зашкаливает у Розки», как выражался в такие моменты сосед, Семён Григорьевич. «Особенно после семейных обедов с мамой супруга», – добавлял он.

– Я хотел узнать, Розочка, – снова приступил к разговору Марк Аркадьевич. – Когда мы с тобой в магазин поедем, за обоями, – он увидел, как Роза Львовна выпрямилась, и прибавил скорости словам. – Дело в том, что завтра мы встречаемся с Фимой по поводу заседания в среду, и...

– Ах, в среду, ещё и с Фимой, с этим бездельником, возо-

мнившим из себя юристом от бога.

– Он отличный специалист, Роза, шоб мы так жили, как он выступает в суде. Не путай божий дар с яичницей, если хотела сказать слов за его таки неположительный характер. А в магазин ты вполне можешь сходить с Адой Борисовной или Софочкой. Консультация же с Фимой мне необходима, как тебе твой Барсик. Вчера он, между прочим, погрыз моё выступление, и счастье ваше с ним, шо – черновик!

– Не трогай Барсика, уже вцепился в бедное животное. Марк Аркадьевич, у меня от тебя сейчас блохи в мозгах заведутся. Что ты имеешь мне сказать? Скачешь с темы на тему, как соленый гриб из тарелки твоего папы, когда он вилокй наколоть его хотел. Чтоб тебе прямо не сказать: Розочка! Таки я завтра иду к Фиме пить коньяк и расписывать пульку, и мне начхать с нашего третьего этажа на твои обои.

– Розочка!

– Марек, иди уже, не исполняй. С обеда пораньше играет бедной женщине на нервах, а не одной ноты не знает. Стой! Шлёма будет?

Марк Аркадьевич слегка напрягся: его «да» обернется для него в «нет» или лучше сделать вид, что оглох?

– Скажи ему, чтоб отдал деньги, и без разговоров.

– Розочка.

– Розочка знает всё. Как твоя мама, и даже больше. А обои я куплю в цветочек, как у Адочки, но только красивее. И не говори мне потом, шо у тебя от них голова болит, – Роза

Львовна вышла из комнаты.

– Фима? Фима, моё почтение. Передай Шлёме, чтоб он завтра не приходил. Я? Таки приду. Наверное, – Марк Аркадьевич приложил трубку ко лбу. Цветочки? Не так уж и плохо, лишь бы не розочки, одной ему вполне достаточно, чтоб все так жили!

История двенадцатая. Террорист

– Бог посылает каждому проблемы по его силам. Ты помнишь этот анекдот? Так шо одно из двух: либо ты можешь справиться ними, либо это – не твои проблемы. Да. Ты не думай, так и скажу. Имею сообщить, скажу, Розочка, шо Барсик – таки не моя проблема. Но почему оно мне морочит голову? Через него умру скоро совсем! – к концу речи, обида в голосе Марка Аркадьевича достигла высоких нот – вскарабкалась на них, как кошка на дерево.

Барсик, «этот шаромыжник – пустите ночку переночевать, глядь, а оно уже впёрлось вместе с хвостом, и сидит теперь, не сдвинешь, как того Фиму, когда он с ужином переборщит»; так вот Барсик, пользуясь случаем – отсутствием Розы Львовны, нарушил пакт о ненападении. «Террор. Устроил фирменный террор, – изрёк супруг Розочки, лежа на полу. Сопел возмущённо, – чтоб у него слюни кончились! Совершил подкат. Таки возомнил за себя Черенкова, только гетры не хватает. А ты Марек валяйся, как на футбольном поле, освистанный со всех сторон».

Марк Аркадьевич заохал, закричал.

– Чтоб у Хаима в палатке молоко никогда не скисало – вот как ты мне надоел, Барсик, – он пытался нащупать на коврике очки, слетевшие со лба во время падения. Но лёжа на спине

это делать неудобно – раз, а два: кот, «эта шельма», решил, что с ним заигрывают, и также пытался подтянуть лапой очки к себе.

Марек искал, Барсик играл и пытался укусить за пальцы. Марк Аркадьевич отмахивался. Барсик нападал. Обстановка слегка накалилась. Очки, уже забытые, лежали в сторонке. Перед глазами Марка развернулся список, в котором огненными буквами горели злодеяния кота, как в аду перед грешником, наперечёт:

«1. Погибший халат.

2. Туфли: новые – одна пара; коричневые (стоптанный задник на левом) ещё ничего – одна пара.

3. Тапочки, войлочные, в клеточку, мама подарила – две пары.

4. Обои, подранные, как моя жизнь – зачем мне новые в цветочек?

5. Черновик защиты», – он тронул затылок, – 6. Шишка. И хоть всё за бесплатно, радости с этого мало. С Шлёмы нос – радости, скажем прямо», – он, наконец, сел, схватил кота за шкурку. Барсик прикинулся ветошью и затих.

– Не надо так на меня молчать, как говорят в Одессе, – Марк Аркадьевич слегка тряхнул животное. – А ты знаешь, шо у нас ещё говорят? – кот приоткрыл один глаз. – Шо женщина была создана для того, чтоб мужик не сдох от счастья. А мне это не грозит: и де то счастье? Нет! Хотя женчина –

есть. И кот! И сдохнуть – тоже есть, – тут Марек развёл руки, и Барсик открыл второй глаз. – И де то счастье ещё раз, я тебя спрашиваю? Нет, не гадят, конечно, но и не завидуют! Спросите Марека, и он вам скажет почему. А чего завидовать, и здесь, и между вас, когда это животное, – он драматически потряс Барсиком. – Чтоб ему Ной таки перед мордой убрал трап на свой ковчег! Когда даже это животное вертело мнение обо мне как хочет!

Марк Аркадьевич отпустил кота, который стал подавать первые признаки жизни, а потом и вторые – мяукать, выворачиваться и царапаться. Барсик шлёпнулся и галопом помчался из комнаты, только хвост мелькнул.

– И когда Розочка вернётся, – кричал вслед кошачьему футболисту Марк Аркадьевич, – когда она вступит в сей вертеп, я таки ей всё скажу на этот раз, и об ней, и об тебе. Не Барсик ты, а альфонс со всех сторон. Скажу и вообще не посоветуюсь!

Через три дня, перед обедом:

– Марек, не пудри мне мозги, их, может, не видно у меня, но они есть. Говори кратко, будь талантлив, бо у меня дел по горло. Ой, скажешь! Где ты и где кот? Тоже мне, нашёлся потерпевший: гляди, свидетели набегут. Марк Аркадьич, ну ей-богу, ты не в суде, не строй из себя...

– А я таки и есть жертва, Розочка! – перебил супруг. – И, если не этого пушистого террориста, то – твоей любви

к нему, чтоб все так жили. Налей мне жиденького. Да погу-
ще. Ну, что там? Как мама? Как Лев Михалыч?

История тринадцатая.

Кашне с маками

– Марк Аркадьич, таки я дико извиняюсь, можно сказать, помираю от скромности, но имею спросить: вы шо, пойдёте в этом на работу? – голос Розочки настиг супруга практически на дороге, когда одна нога ещё здесь, но вторая уже на улице, завернула за угол; когда румяное утро одарило квартиру и настроение Марка Аркадьича ярким солнцем, словно улыбка первоклассника на линейке первого сентября; когда...

– Нет, он мне молчит, как рыба об лёд. Как будто я хочу таки знать, где Шлёма, этот беспутный сын своих несчастных родителей прячет заначку в правом кармане старого пиджака, шо висит у него в сарае, гордо именуемом гардеробом.

Марк Аркадьич мял в руках шляпу и чувствовал себя школьником в кабинете директора и мог поклясться вчерашним голубцом, шо он таки не знал о заначке, а Розочка...

– А Роза Львовна всё знает, кроме одного, – подтвердила его мысли супруга. – Когда ты решил, шо полотенчико Миры Борисовны лучше кашне? Я, конечно, приветствую изо всех сил твою таки лояльность к сестре моего отца, и даже больше – тебе к лицу эти вышитые маки. Прекрасно сидят. Ромашки освежают и придают смекалки интеллекту, шо нын-

че брызжит с твоих щёк, я аж ослепла. Мы уже с Барсиком имеем полчаса молчать об этом, но шо таки скажет тётя Мира, когда приедет и не обнаружит своего подарка на стене? Ты знаешь, Марек?

Тот послушно кивнул. И посмотрел в зеркало. Сомнений нет: Розочка не придумала и не придиралась, на шее, как родное, прохлаждалось кухонное полотенце. Подарок Миры Борисовны на 8 марта. И уж лучше проиграть процесс иль съесть свою шапку, нежели родственница обнаружит непочтительное отношение к её дарам. А чёрное кашне в приятную бежевую клетку надсмехалось с верхней полки.

– Так и шо? Мы сделаем нам с тётей Мирой приятное, и вернём инвентарь на кухню? Или имеем продолжать, как Хрущёв на трибуне с ботинком? Тогда возьми хотя бы обувь в руки, шоб походить на кукурузного Соломона хоть слегка.

Марек молча стянул с себя маки и ромашки. Градус настроения, было упавший, снова стремился к небу. Он таки сейчас выйдет за порог, и даже без двойки за поведение; с работы позвонит Шлёме, шобы сказать, какой тот дурак и сын своих несчастных родителей, шо не меняет место дислокации заначки 30 лет, а Розочка... А Розочка Львовна приготовит вкуснейший ужин, бо никакая тётя Мира не испортит теперь ей настроения.

– Ну, я пошёл, Розочка?

– Та иди уже, тоже мне Слава Зайцев нашёлся. Не забудь

купить вечером хлеба. Мира Борисовна таки любит свежий. Шоб все так жили, как мне нравятся её визиты, – Роза Львовна захлопнула дверь.

История четырнадцатая. В командировку!

Марка Аркадьича послали. Естественно, шо вы. В командировку. Не очень, чтобы далеко, и не совсем на долго, в соседний город. Но таки попробуйте вы это объяснить семье и с одного раза.

– Таки нашли на ком выехать, – сказала Роза Львовна. – Ой, здесь лучше молчи, Марек. Говорить надо было в кабинете у этого пройдохи Шлёмы, и махать саблей, а не подписывать свои три буквы на той туалетной бумаге, шо вы называете приказами в этой вашей конторе.

Ты что, таки думал, я приду в радость и брошусь к шифонэру за рубашками? Ты ж видишь, спешу – лопатки сводит от усилий. Бедная женщина останется одна на целых три дня и в страшную пургу, и в жару, и за разглядеть как цветут вишни за окном ей будет некогда в печали. И она должна спешить? Я вас умоляю. Скажи мне в ухо, и по буквам, я хочу увидеть, чтоб понять. Почему бы в командировку не отправить Фиму? Ему таки без разницы, где протирать штаны, но нет! Пусть едет Марек, оставляет Розу сиротой. И Барсика.

– Розочка.

– Несчастный кот.

– А помнишь, ты плакала, когда...

– Кто плакал? Я? Когда? Марек, я плачу каждый день за нашу жизнь, чтобы с тобой не спорить. И всё впустую. Напомни мне конкретно, за какую секунду моего горя ты имел сказать?

– Когда мы...

– И я об чём. Ну, хорошо, не Фиму послать, я знаю его маму. Тогда бы – Изю. За его цорес страшно посмотреть, с тех пор как ушла Циля. Хотелось бы мне знать, сколько лимонов за один присест он слопал, щоб таки иметь этот скорбный вид.

– Когда мы не смогли поехать к Мишеньке.

– За тот размер зарплаты, шо даже Барсик не вытерпел, ушёл смеяться под диван? Марек Аркадьич! Если я не поминую мозоль, эту кровавую рану, оно не значит, будто их нет в моей душе навсегда. Ты знаешь, что соль – белая смерть, но солишь и солишь щас, не покладая рук. Шобы так жил твой начальник, как ты диету соблюдаешь.

– А теперь я получу командировочные, Роза, и премию за то, что не пошёл в отказ, – удалось таки внести в речь супруги Марку Аркадьичу своё предложение – больше, чем на семь слов. Практически как депутату в микрофон какого-нибудь четвёртого созыва в последнюю секунду по регламенту. – И мы вполне себе иметь позволим поездку.

– Марек, тебе белья три пары хватит? А носков? Чемодан,

пожалуй, возьми тот, шо брали мы в Москву, примета верная, таки счастливый чемодан. И не забудь утром пирожки в дорогу захватить. Пойду поставлю тесто.

История пятнадцатая. В стихах.

Роза Львовна делает скандал

Таки я делала базар сегодня, Марек:
Вместо селёдки попала с Сонькой в свару.
Израстье: имеет он спросить вопрос – с какой.
С Козюльской. Той самой, шо училася с тобой.

За твой форшмак я униженье час терпела.
Она той ржавой рибе всё дифирамбы пела,
Таки за паспорт всем тонко намекала мой
Та Сонька. Не сдержалась, я вступила в бой.

Да не дралась я, Марек, шо за бред несёшь.
Я с Молдованки, или где, меня «за ради» – не возьмёшь.
Твоя Козюльская узнала, шо, почём, куда – в словах и так.
Ещё я с рыжими с базара не заводила драк.

И рибу мне покойницу всучить не просто, вей,
Как ни старалась бы, как ни хотелось ей,
Твоей бандитке Соньке, хоть вы ходили вместе
За поучиться жизни. Скажу, и даже с лестью,

Шо вас учили плохо, как ни крути. Не спорь.
И завтра на базар пойдёшь таки со мной,
Шоб видела лахудра та с Привоза,

Я женщина приличная, не фунт тебе навоза:

При муже, при при авоське, это факт.

Прокашляйся. Не я ж себе придумала форшмак!

Поспели груши в саду у дяди Саши

Маленькие истории большой деревенской жизни

История первая. У вас товар, у нас...

Дядя Саша урвал козий рог. Можно сказать, по дешёвке. Не всем так везёт, но могло бы хуже получиться.

Владелец четырёх углов, одного забора, восьми соток и трёхколёсного «Ижа», дядя Саша жениться не любил. Но надо. Не век же куковать. Принцип «врешь, не возмёшь» – в сторону, огород ждать не будет. Кто-то ж должен его окучивать, помидоры вырастить, соленья-варенья накрутить! Женюсь, какие могут быть игрушки, каждую весну рещал дядя Саша. До последнего бурака в земле, а там – вот бог, вот порог, не сошлись характерами. И здравствуй, зимняя холостая жизнь!

Во всех вопросах дядя Саша советовался с дядей Ваней и его гармошкой. Они ж кореша, как Бен Аффлек и Мэтт Дэймон, что из Голливуда. Никакая Дженнифер Лопес без одобрения не прошмыгнёт! На том стояла и стоять будет мужская дружба.

– Эх-ма, кутерьма:

Нынче будет праздник!

Поцелуйте вы меня,

Это не заразно! – с утра гармонь особенно весела: кандидатуру невесты утвердили единогласно. Стратегия выработана. Достаточно нахрабрившись, друзья вступили на тернистый путь сватовства к некой Марьяне, вдовой девушке с козой.

Вечерело. Заходить решили с тылу, огородами, без церемоний, но с фанфарами. По пути встретили козу. Паслась привязанной на первой травке. С пылу-жару и в целях демонстрации лучших хозяйственных качеств, решили возвратить живность в стойло. За первый попавшийся рог. Коза упрямылась и идти не хотела. Бодалась бы с женихом долго, но с подворья в огород вышла Марьяна.

– Эх, хвост на помост,

Что за рыба – диво!

Наливайте, будет тост

За девушек красивых! – обрадовалась гармошка.

Возможно, дядя Саша дошёл бы до логического конца объяснение на тему «не крал я козу» невесте, непринуждённо поигрывающей лопатой, но:

– Крррак! – хрустнуло в тиши, и вот коза – на воле, рог – в руке!

– Ба-лам-ба-лам-трам-па! – грустно растянулась до земли

гармонь.

Опустился солнечный занавес в розовых облаках, притихли птицы. По большаку, в закат, хромали две фигуры.

– Не так всё плохо, как его малюют, – вздохнул дядя Саша, крутя трофейным рогом. – Хоть и не задалось...

– Эх, ток-кипяток —

Эпическая сила!

Не могу найти пути —

Снегом завалило! – согласился дядя Ваня.

История вторая. Сам себе кузнец (Летопись дяди Саши)

1993г. Катерина – не по купцу товар. Потрачено 7500 рублей (как один!), выпито 5 пузырей самогону. И что: перепутала петрушку с кинзой, тьфу! В гараже прибралась... Помидоры накрутила – в рот не возьмёшь, хозяаайка! Расторгнул контракт досрочно. Как говориться, вы уходите, слава Богу, или остаётесь, не дай Бог!

1994г. Галюнчик – не по товару купец. Посвататься, как воды попросить. Ибо тазобедренная композиция и организма общая инсталляция – есть высокохудожественное произведение искусства. У Микеланджело бы слюнки потекли, как есть говорю. Выпито 3 бутылки. Уплочено – 21 тыща да сверху скока-то там американских тугриков в ларьке у Гришки Куркуля за зелье иностранное. Кто сказал, что рожей не вышел?!

...Гармошку Ване порвали. Огород зачах. Без любви и ласки.

1995г. Ольга – выйди на крыльцо, покажи лицо. Вот это удачно даму сердца подобрали! Выпито для храбрости – не счесть! Кошелёк – утерян. Зато: огород вспахала, дом прибрала, печь подбелила, куры-гуси причёсаны, несутся! А, таки, где любимые штаны? Где транзистор? Где кружка пивная, из ресторана в качестве сувенира прихваченная?!

Разошлись, как в море корабли! В виду противоположных взглядов на личную собственность. В отместку выпил духи.

1996—1997гг. Клавдия – из серии «ой, не надо меня уговаривать, я и так соглашусь». Репей, а не женщина! А самогон – 15 тыщ за пол-литру, не хочешь? Покупать не буду. Забудьте, Клава, навеки.

1998г. Марьяна – женщина видная, бывшим мужем, там, отцом – необременённая. Козы – в придачу. Короче, у вас товар, у нас – купец, собою очень молодец! Водка по чём? По деньгам. Самогон – по 20 рупчигов. Так шо ж ты молчишь?! Заводи гармонь!

Всё одним днём случилось. Не свезло, тока козий рог напоминал, «шо щастье было так близко».

Дядя Саша жениться не любил, в отличии от сватовства. Потому как: «Идёшь к милушке – цветы под ногами распускаются»!

– И земля под ногами трескается, – добавляли селяне. – Вот как Сашке большой и чистой любви хочется. Эх, кузнец, блин, своего счастья, – сочувствовали.

История третья. За дешевизной

Задумался дядя Саша о бытии своём. Прикинул к носу ситуацию. Оргвыводы озвучил дяде Ване, товарищу по авантюрам:

– Удешевлять надо процесс!

– Сватовства? – уточнил дядя Ваня. Подмигнул. Наиграл гармонию свадебный марш.

– Да тю на тебя! – возразил дядя Саша. – Употребления!

И показательно щёлкнул пальцами в области горла.

– Одно другому – действие прямо пропорциональное, – заметил соратник, и добавил, соглашаясь. – Самим гнать дешевле.

Так в протокол и записали. Дело за малым – рецептурой. Провели соцопрос. Интервью сообразили на троих. Сахар, мёд, конфеты, патоку откинули из-за «такой нынче дороговизны». Приуныли, было, да вовремя вспомнили, что дядя Ваня карьеру в начале лета сделал, устроился сторожем на бахчу.

– Арбузы! – хором и громко воскликнули друзья. Громче вопил разве что Архимед «Эврика!» в ванне. Сколько позаимствовали с полей, история умалчивает, но хватило. Бражка приготовили, аппарат собрали, день X настал.

– Ну, пробный шар, – потёр довольно руки дядя Саша. –

Как насчёт процедить?

– Ой, я тебя умоляю – шо там той семачки? – не терпелось дяде Ване. – У нас не змеевик – зверь! Проскочют, и не заметит. Не тяни резину!

Процесс запустили без подготовки. Главный свидетель таинства – рыженькая собака по кличке Хока. Особа юркая, звонкая, и то прочувствовала момент: возлегла у аппарата молча.

– Сань, а, Сань? Чегой-то с ним делается? – дядь Ваня первым обратил внимание: бак, словно паровоз, вдруг запыхтел. Затрясся угрожающе.

Мужички замерли. Хока выставила ухо. Затем зарычала, и задом сдала позиции. Подальше от шайтан-машины. Та же подпрыгнула и засвистела неистово, будто ошалевший чайник.

– Ложись!!! – гаркнул дядя Саша.

– Бах! Трах-бах! Ба-бах! Бамс!

Бак – в клочки! На потолке – розовые кляксы в стиле Ван Гога. Осадки в виде «шо там тех семачек». Амбре сивушных масел в воздухе. Печальные слезы первача на полу. В углу истошно завывала Хока.

Дядя Саша с трудом поднялся. Стряхнул арбузные дреды с волос. В сердцах пнул дядю Ваню:

– Говорил тебе, цедить надо, дурбалая кусок!

Тот вылез из укрытия. В долгу не остался. Слово за слово, кулаком по столу, расплевались. Загребая пыль гармошкой, изорванной в пылу спора, дядя Ваня остановился у калитки:

– А не гонись за дешевизной! Ещё сам Пушкин подметил! Тьфу! – и ловко увернулся от сапога.

История четвёртая. Алыча раздора

В год неурожайный на невест, где-то между Марьяной и «чёрным вторником», случился БабыЛюбындядьСашинский конфликт. Ссора зрела, как алыча на дереве. Том самом, что коварно выросло возле межи. Формально – принадлежало бабе Любе. Фактически – раскинуло жадные ветви над всей территорией двух соседских огородов. А у дяди Саша кризис: ни одной жены в доме, и компота страсть как хочется. Кваса – на доньшке, да и в том – мошки. Грусть-тоска. Одна надежда – на ягодный взвар. Из алычи, конечно!

– «Паровоз наш мчится прямо на границу», – мурлыкал дядя Саша. Дело спорилось. Ведёрко наполнялось.

– Воруеть? – раздался из кустов голос бабы Любы. Словно удар гонга.

– Ни пальцем! – заявил дядь Саша. – На исконно своей земле падалицу собираю.

– Дерево-то моё! – прищурилась соседка.

– Да за ради бога! – согласился любитель компота. – Тока есть один нюанс!

– Шо? Сам ты Ганс! Антихрист, бесячий сын! Люди добрые, послушайте як фашистом обзывают! Сам оккупант – воруеть среди дня!

В воздухе запахло комплиментами и обидами прошлых

лет. Как говориться, смотрите репортаж. В красном левом углу – тяжеловес, обладатель чемпионского платка крест-накрест, баб Люба. В синем правом – золотой призёр, трёхкратный фингалоносец, дядь Саша. На кону – компот!

– Та алыча, что ко мне упала в огород – моя, – доказывал «бесячий сын». – И не одна ваша галоша сюда не ступит!

– Сам ты халоша! На ось, выкуси! – баба Люба возмущённо сложила дулю и описала ей дугу. – Нет, вы побачьте на юнца! Усё в песку, шо из штанов просыпался! Туда же – халошей ругаться! – кукиш приземлился в аккурат возле носа противника. Дядя Саша скосил глаза. Прижал ведёрко к груди.

Кусты жалобно затрещали. Баба Люба вылезла из засады. В опасной близости от дяди Саши зарябили цветочки на ситцевом бюсте. Соседка протянула руки и вцепилась в ведро. Дёрнула на себя. Противник не растерялся, на то он и антихрист, дёрнул обратно. Туда-сюда раз пять.

– Брэйк! – воскликнуло ведро под натиском сторон. И лопнуло.

– Да и мать его так! – поддержал посудину дядя Саша. В сердцах развёл руки с половинками ведра над бабой Любой. Алыча брызнула в стороны весёлыми каплями.

– Вот такой компот, – жаловался дядя Саша другу, зашивая майку. – Наварил, хоть запейся!

История пятая. Траур по Борису Ивановичу

В деревне Пузырики случился траур. Приспущены флаги. И тихо, как никогда. Хоронили Бориса Иваныча.

Мужчины горестно вздыхали. Каждый из них помнил совместные забавы, мимо Бориски, как звали они его по-простецки, спокойно никто не проходил. Каждый норовил подразнить и почитал за честь сразиться. Женщины, конечно, сочувствовали, но в глубине души радовались. Жалко его, конечно, но ведь тиран был и деспот. Людей не любил категорически, особенно женский пол и детей. Видно, чувствовал страх перед своей особой.

– Эх, что ж ты, дурья башка твоя, натворил? – горю дяди Саши не было предела.

– Сань, да не убивайся ты так, – пробовал утешить его дядя Ваня по-дружески. – Это ж не человек, козёл всего лишь!

– Много ты понимаешь, – огрызнулся хозяин животного. – Он получше некоторых людей будет. А производитель какой? А рожища? А силища? Пойди сыщи теперь такого другого!

Рога и мощь козла-то и сгубили. Оторвался ночью с привязи. До бочки с зерном добрался Борис Иваныч и объелся. Околел к утру. Не бодаться теперь ему с мужиками, не пу-

гать наскоком ребятню да жёнок.

Дядя Саша ссутулился, хлопнул молча калиткой и впервые не позвал дядю Ваню с собой. А ведь какой повод – выпить за упокой хоть и козлиной, а всё-таки, души. Иван аж гармошку уронил от удивления, но страдания друга понял, напрашиваться не стал.

– Горюет? – у калитки остановилась соседка, баба Люба. Махнула подбородком в спину дяди Саши.

– Ну так, – почесал макушку дядя Ваня. – Вишь чё получилось, не сошлась нынче зоология с ботаникой. Вот такая вот драма.

– Это потому, что безалаберный твой Сашка, – сердито сказала бабка. – Да безответственный. С роду у него, кроме собак никого не водилось и водиться не будет. Вам бы только пить да петь частушки свои. Горюет, тьфу! – скрылась в своём подворье.

– А всё ж верно, что иная животная лучше человека, – расстроено пробормотал вслед дядя Ваня и подобрал гармонь. – прав Саня-то...

История шестая. Око за око, шланг за шланг

Дядя Саша – кум министру, сват королю, исходя из его душевного состояния и жизненных принципов в разное время. Ну, а Лениным сам бог велел быть, потому как дядя Саша разрушал всё до основания, а затем с построением нового мира не торопился. Чтоб людей не смешить, да и дело мастера боится. Словом, доведёт всё до нужной кондиции. Аппарат самогонный взорвёт, сорняки в усадьбе вырастит, чтобы петь с чистой совестью: «На дальней станции сойду, трава по пояс». Банк, телеграф и почту возьмёт строго по расписанию. И только одно дело не ладилось – дипломатические отношения с соседкой, Любовью Афанасьевной.

В тот июнь напала на дядю Сашу минута хозяйственного просветления: посадил помидоров кустов тридцать, да огурцов два рядка. А, чтобы с вёдрами не надрываться, повадился под покровом ночи соседские ресурсы тратить. Беспечная Любовь Афанасьевна оставляла шланг возле скважины. Счастье длилось недолго. Сама ли догадалась, вредная баба, или надоумил кто, но инвентарь стала прятать. А по утрам, чтобы полить свои грядки, протаскивала шланг в аккурат по дядиСашиной рассаде.

– Видал, зараза, – демонстрировал обиженно огородник

поломанные кустики дяде Ване. Позвал друга закадычного в свидетели на разборки.

– Смущаюсь спросить, – кричал дядя Саша бабе Любе со своей, на всякий случай, территории. – Доколе будете шлангоприкладствовать?

– Ась?

– Я говорю, вы специально или нарочно? – подошёл поближе, потряс увядшей рассадой.

Баба Люба презрительно выпятила байковую корму в горошек и бросила вскользь:

– Послала судьба соседа, ни приведи господи. Развелось алкашей, ступить некуда.

И увеличила громкость:

– я вот Петьке-участковому скажу, шоб посадил тебя на 15 суток за клевету!

– Ну, ладно! Будет и на нашей улице праздник, пошли Ваня! – оскорбился дядя Саша и решительно зашагал в соседский сад к скважине.

– Чё ты хочешь, Сань? – робко семенил друг следом.

– Поглядуй на бабку да маякуй, – приказал мститель. – Око за око! – и наступил на шланг.

Три раза баба Люба бегала к насосу и охала, руками всплёскивала. Поминала мать свою всеу, щёлкала тумблером. А на четвёртый отвлекся дядя Саша да раньше времени ногу-то и убрал. Заполошный крик спугнул всех воробьёв

в округе: то соседка со шлангом боролась аки Георгий Победоносец со змием, и потерпела поражение. Шланг выскочил из рук, продолжил бесноваться на соседнем огороде. Через полчаса дядя Саша в траурном молчании обходил поле брани. Подсчитывал убытки.

– М-да, – сдвинул на затылок кепку дядя Ваня. – Я буду мстить и мстя моя ужасна.

– Ты ещё мне, – огрызнулся дядя Саша.

История седьмая. Молоток

Дядя Саша из тех мужиков, что не перекреститься, когда гром грянет. У него с верой отношения из разряда «опилки для народа», что и говорить. Как-то он, будучи навеселе, вздумал высказать своё отношение к попам и батюшке Афанасию, в частности. Религиозному кружку старушек, что собирался на вечерние посиделки после трудов праведных у бабы Любы, соседки, – в целом.

– Знаю, – сказал внезапный правдолюбец. – Чем вы там на исповеди занимаетесь, старые клюшки!

И добавил ещё то самое слово, что нынче модно очень: женщины с низкой социальной ответственностью. После подробно обозначил кадило батюшки, его размер и амплитуду размаха.

Когда атеист бежал, выпадая из галош, до речки, то и не думал креститься. Жизнь и честь сохранила вода, в которую дядя Саша нырнул, не задумываясь. Плыл Чапаевым: загребал одной рукой, потому что второй грозил кепкой и продолжал сквернословить.

Был и ещё случай, в прошлой жизни, когда Фоме неверующему, не мешало бы изменить своё отношение к вере. Но, как он любит говорить, вальс всё тот же, пары те же.

Явился как-то, спустя 25 лет, к дяде Саше сын. Вот, ко-

гда гром грянул по деревне. Дядя Ваня даже обиделся слегка на друга за сокрытие факта о ребятёнке и потребовал сатисфакции. Пришлось тому раскрывать тайны Датского королевства.

– Катюха моя, маков цвет была у меня. А маманя ейная та ещё тёща. Житья не давала. В общем зале поселила, и одно шмыгала. Хоть днём, хоть ночью. А я чё? Парень молодой, горячий, тока после армии. Мне смерть как охота супружеский долг отдать, аж пар из ушей валит.

Дядя Ваня понимающе хмыкнул, и поправил гармошку на коленках.

– Ну, вешаю карниз как-то, молотком стучу. Тут Катюха забегает: маман на рынок свалила. Ох, и разогнали же мы скуку! И тут я, значит, мчу паровозом, да со свистом, в светлое будущее, как – бабац! За ноги меня стягивают! А потом и за волосы. Кулаками молотят, знай, и визжат: тёща вернулась!

– Я б убил! – ахнул дядя Ваня.

– Дак я и убил.

– Как?! – выпала гармошка из рук Ивана.

– Молотком, обнакнавенно. По темечку. Уж больно разгорячён я был, не в себе. И в милицию сдался.

– И чего?

– 5 лет, как с куста.

– Мдаа, – почесал репу дядя Ваня. – Царствие небесное.

– Тю на тебя. Жива она, чё ей сделается. Как у кошки

9 жизней. А заявление забирать не стала. Катюху только, и – привет. Ни слуху, ни духу. А ты говоришь, бог, бог, – ухмыльнулся дядя Саша. – Я в суде не молился-крестился, а теперь и подавно. Наливай!

– Та налью, – говорит дядя Ваня, и предупреждает. – А бабок ты всё ж не дразни, Сашка! Не равен час молоток где бесхозный валяется.

История восьмая. Анубис, или египетская сила

Капитан сандалий и носка в дырочку, дядя Саша, за год до юбилея решил посетить больничку. Провериться, то, сё. Чтоб знаменательную дату встретить без подвоха, вроде усталой печени. «Бабы – ягодки, – говорит, – а я – огурцом буду». Завёл тарантайку, фуражку новую на вихры приладил, и вперёд. За здоровьем. Стрекошет «Ижачок», дядя Саша песенку насвистывает да по сторонам поглядывает. Сто лет никуда не выезжал дальше колхозного поля. А тут – раздолье, смотри – не хочу. В райцентр въехал в самом радужном расположении духа. Сейчас у врача – раз-два, делов на полчаса, и домой. А там таранька, семачки, и пивко.

На крыльце поликлиники дядю Сашу чёрт дёрнул, не иначе, оглянуться. В раме из цветущей акации, на жёлтом фоне, с противоположной стены грозно взирал на прохожих не пойми какой египтянин.

– По-хо-рон-ное бюро – нахальные буквы плясали в солнечном свете. Дядя Саша прищурился. – А-ну-бис. Анубис! Вот те раз! А чё не «Нимфа»?

Будущий «огурец» являлся страстным поклонником и владельцем зачитанной до дыр книги «12 стульев».

– Хотя. Нимфа, туды её в качель, разве товар даёт? – про-

цитировал сам себе в ответ дядя Саша, поражённый в сердце чьим-то злым гением маркетинга. – Прямо внушает оптимизм будущее лечение. Прямо энтузиазм растёт как на дрожжах. Живенько так, ярко. И очень удобно: тут – больничка, напротив – похоронное бюро. Недалеко. Искать не надо. Если что – на своих двоих добежать можно!

Неизвестно, сколько б ещё разглагольствовал дядя Саша, но тут дверь открылась.

– Сестричка, – обратился он к выпорхнувшей девушке. – А как пациенты относятся к такому соседству?

– К какому? – удивилась медсестра.

– Да к «Анубису». Репутация больницы не страдает, нет? Пациенты не смущаются? Не возмущаются? Главврач куда смотрит?

– И что в этом странного, не понимаю вас? Полезное бюро, и рядом, – сотрудница подвинула дядю Сашу плечиком, и начала спускаться. На последней ступеньке обернулась, ошарашила. – И причём тут «куда смотрит»? Это вообще он открыл, частная контора! Приличная. И недорого.

– Египетская сила! – ахнул дядя Саша, и – кубарем с лестницы, только козырек на голове подпрыгивает. – Гиппократы хреновы, долечат до Анубиса, как есть говорю. Мафия!

Добежал до мотоцикла, схватился за руль:

– Проверился, ага. Подайте шляпу и пальто, манал я ваши именины!

Лихо вскочил в седло:

– Без меня, ребята, как-нибудь, без меня. А я – пирамиды строить! До юбилея хватит!

История девятая. Завтра

– Истинно говорю, не любят зелёные человечки посещать нашу Зимлю.

– А что за человечки, ба? Гномы? – Женьке совсем не спится. Да и как уснуть, когда такие истории?

– Та яки гномы, унучок! Ще кажи – планитяне! – Любовь Афанасьевна быстро отвернулась от мальчика, перекрестилась мелко.

– Ну, а кто тогда? Кто? – внук присел на кровати, та скрипнула в ответ, сна ни в одном глазу. – Эльфы?

– Сам ты эльфа! – потрепала баба Люба нежно вихрастую макушку. – Апосля узнаешь, шо ж ты нетерпеливый, аж чувяки теряешь, казать не даёшь.

– Ладно, ладно! Не буду больше, – Женька уворачивается от бабулиной ласки, ныряет под одеяло. – Я знаю кто, дядя Саша! Ты говорила он с зелёным змием дружбу водит. Значит, он!

– Та не, – трясутся плечи у бабушки.

Женька надулся было, что она хохочет с него, а потом вслед рассмеялся: представил соседа, как будто он в зелёнке весь, как крокодил. Вот зрелище-то! Нет, дядь Саша не зелёный человечек, точно! А вообще всё здесь удивительно: и бабушкин говор, и вода из колодца (страшно так глядеть в него), и помидор с грядки, и печь. Печь-то какая, а бата-

рей – нет. В первый же день проверил. И имя у бабушки чудное – Любовь, и деревня странно называется, Пузырики, да и до лета бабушки как таковой не было. А тут нате, появилась как Мэри Поппинс из кино. Как в сказке!

До лета мама плакала, и говорила «никому мы не нужны». Покупала Женьке шоколадное яйцо и гладила по голове. Он злился, не верил. Папу ждал. Он придёт, и всё будет по-прежнему: футбол по воскресеньям, рыбалка по субботам. Прогулки по парку, и отец с фотоаппаратом наперевес: «Смотри, Жека, чудо какое!» – показывал то на лист, яркий, с изумрудными прожилками, а на нём – божья коровка, то на пенёк в обрамлении грибного семейства, как в воротнике, то на белочку, что, как заводная прыгала по веткам. А потом они вместе смотрели фотки и кивали – да, да, вот эта получилась, и эта, а здесь ты смешной, Жека, а ты здесь, папа...

А потом он ушёл. Мама стала плакать и говорить, что «никому мы теперь не нужны». А Женька стал злиться. И всю зиму ждал. Всю весну верил. А в первый день июня появилась она, баба Люба. «Вот вы где спрятались, Катя!» – воскликнула. Пирожков привезла, и молоко в банке. Вкусноее! Сперва мама не хотела с ней разговаривать, ушла на кухню. С волшебницей, конечно. Ну, а кто, если – не она? Вот только Женька не мог тогда понять, добрая или злая? А незнакомая в тот момент бабуля протопала за Катериной. Закрылись. «Бу-бу-бу, бу-бу-бу», – и не разобрать ничего. Но вот

они вышли, светлые какие-то, и мама больше не ревела, улыбалась. Собрали вещички и на следующий день приехали в деревню. Катя вернулась в город через неделю, а Женька на лето остался. Чудеса!

– Ба, а зелёные человечки сколько раз к нам прилетали на Землю? – он попробовал схитрить. Не так, да эдак, но расскажет ему бабуля, наверняка всё о них. Он, Женька не отступит!

– Ишь ты, – прищурилась она. – Да, почитай, кажинный день в начале, а потом реже и реже. Кажу тебе – не взлюбили.

– А почему?

– Дак верить люди в них перестали. В чудо верить перестали, в сказки.

– Ну, и дураки!

– Женька, от охламон! Ты де таких слов набрався? Язык отсохнет, будет в роте як репэй на хвосту у Найды болтаця!

– Не будет! – но на всякий случай пощупал язык. – А чего они так быстро сдались? Не бросили бы прилетать, люди бы дальше верили. Вот ты к нам прилетела же? Видишь? И я верю! Ба... а, может, ты сама – главная? Всех зелёных человечков? – Женька аж глазёнки вытарацил. – Полевительница?

– Кто? – Любовь Афанасьевна прикрыла лицо фартуком, не дай боже, увидит дите, шо она смииця, ще обидиця.

– Королева, ба!

– Да ото ж, королева. Полей и садов, унучок. Угадав. Тиль-

ки це секрет.

– А ты мне ещё расскажешь про них?

– Завтрева.

– Честно? А гусят покажешь? А на речку пойдём? А почему у твоих курочек яйца в крапинку... – Женька изо всех сил боролся с навалившимся, как хулиган из подворотни сном. – Челове... чки...

– Спи вже, неугомонный! – баба Люба подоткнула одеялко, погладила лоб внука. Чудо, что она их нашла. Не было бы счастье, да несчастье помогло. А вместе и пережить его легче. И Катька молодая, оклемается. Жизнь она така, перемелиця. На цыпочках вышла из комнаты – до чего ж на отца похож, до капельки.

В коридоре споткнулась о сандалики. Подняла, прижала к груди. Охнула: «От замучит же малец дуру старую, и поделом – и де ты тех человечков взяла, Афанасевна? Шо те перя мудрить тому огольцу? Та ще зелёных. Шо за чудо?» – качала она головой. И улыбалась. Был бы Женька, а чудеса найдутся. Завтрева.

История десятая. Поход

А яблоки пахли так, аж ноздри слипались от сладости, что разлилась в воздухе. «Пил бы и пил, нектар!» – восхитился Иван Лукич, и снова с шумом вдохнул садовый аромат. С годами ль это, или так изменилось всё вокруг, а только теперь воспринимался мир острее, ярче, громче. «Перед смертью не надышишься», – решил старик, возвращаясь в дом. Там внучек ждал ужина. Эх, радость нечаянная, привезли в сентябре. Что-то там с садиком, а у них – работа, срочная и завал – во! – деду только счастье.

– Ну, что, Серёнька, кашу варганить будем? – и застыл на пороге. – Ты почто обоину растерзал, умник?

Сергей, смышлёный мальчонка лет пяти, ползал по раскрутившемуся рулону: что-то малевал карандашами, рядом валялись ножницы.

– Дедушка, они всё равно старые уже, тебе не нужны, а я доспехи готовлю, мне надо, – застрекотал он. – Я на войну иду. Вот латы будут, вот на ноги, щит ещё. А ты можешь мне шлем сделать? И копьё? А ужин из чего? Каша? Только давай вон ту, мою любимую!

– Тыр-тыр-тыр, – передразнил внука Иван Лукич. – Нутка, с кем воевать собрался и за что?

– Погоди, сделаю, скажу. Секрет! А кашу – давай «тачан-

ку», ну давай, дедВаня!

Тачанку, ишь ты, улыбнулся дед. Он и подумать не мог, что сымпровизированное на ходу блюдо так глянется Серёжке. Сам-то Лукич называл его «суп из семи круп»: кинулся раз кашу готовить, а запасов – щепотка того, да горсточка другого. Ну, и сварил из всего, что было. До кучи смешал, разве что топора не добавил. А так: и рис, и гречку, и пшеничную, и пшена, да ещё на сале лучок, чесночок прижарил для заправки. А, когда кашеварил, под нос песню любимую напевал: «Эх, тачанка-ростовчанка, нашей гордости и краса...». Внучок-то под ногами крутился, помощник. За стол сели, сходу заявил, что каша про тачанку его любимая теперь. С тех пор и прижилось название. Дед улыбнулся воспоминанию.

– Соорудил латы, а, Серёнька? – спросил он после ужина. Протирал посуду, да и спросил, вспомнил.

– А что? – насторожился тот.

– Так обещался ж рассказать. Про поход свой. Куда на-вострился?

Серёжка, примеряя то так, то этак порезанные обои, посмотрел на деда: не смеётся ль? Иван Лукич глаз не отвёл, испытание выдержал.

– Я, деда, пойду время освободить! Воевать.

Дед аж ложки уронил.

– Дааа. Вот смотри, все говорят, что его мало, не хватает.

Мама говорит – ни минуточки свободной. Папа говорит – сразу, сынок, как только время освободится. И что? Ни мультитик не посмотрели, ни в парк не пошли. Тётъ Катя говорит – время бежит. А куда? Вот оно побежало, а его кто-то поймал и в плену держит. Я вот думаю, его дядь Саша в сарае спрятал, потому что баба Люба сказала, что он бездельник, и живёт так, будто у него времени завались, вагон целый!

– Серёнька.

– Правда-правда, дедушка. Он и твоё время в плену держит. Ты мне на рыбалку третий день обещаешься пойти, и всё талдычишь – нету времени, нету времени. Конечно! – Серёжка перевёл дух, и зафырчал, как рассерженный ёжик. Потом подошёл к Лукичу, обнял за ноги. – Но ты не волнуйся, я его освобожу, ага. Возьму вот лук, и копьё – ты ж мне сделаешь? – и пойду на войну.

Иван Лукич собрал утварь с пола, в буфет спрятал, и всё думал, что же это, как с внуком-то быть? Иль с ним податься? Ах, ты ж, старый дуб-кривая табуретка, задачку задал Серёжка.

– Я с тобой пойду, внучок. Война дело серьёзное, с кондачка не запрыгнешь, один в поле не воин. Да и за свободу сражаться – почёт и смелость. Только мы утром пойдём. По темноте несподручно воевать. Лады? – и подал Серёжке ладонь.

– Лады, – хлопнул тот в ответ.

Поздно вечером, когда внучок сопел и во сне придумывал военный план, Иван Лукич долго курил на порожке, разглядывал девичью улыбку луны. «Ишь, ты, – качал головой, – аника-воин растёт. Атаман, не меньше!».

Утром, с первыми петухами, пришёл дед в детскую:

– Вставай, Серёнька, зарю проспичь!

– Пора? На войну пойдём, в поход?

– На рыбалку! В этот раз, внучок, мирными переговорами обошлись. Вишь, скока теперь у времени свободы. А вечером, когда папка с мамкой за тобой приедут, в клуб пойдём. На фильму.

История одиннадцатая. Вот те крест!

Дядя Саша – мужчина видный, сразу видно откуда идёт: трезвый, за получкой, или возвращается с поминальных гастролей по ней.

Его, как волка, сколько не корми, а он всё в сторону сельпо смотрит, современным крохоборам не доверяет. Перевелись, говорит, порядочные самогонщики на земле русской. Всё норовят подмешать пакости какой-то, после которой и поп с причастием не поможет. И об эту пору, пока ещё скрипят потёртые, не все утраченные, рубли в кармане, а душа уже приобретала лёгкость бытия и чистый взгляд ребёнка, любил дядя Саша мериться галифе остроумия с местным электоратом. Как Серёга Хой, мимо тёщиного дома без шуток не ходил, и так и наш герой тоже не мог пройти молча мимо бабушек-соседок. За что отхватывал не раз, словесно. Да что там – бывало и клюка старушечья выдавала чечётку на грешной спине любителя импровизации.

Опустились на деревню сумерки. Акация расцвела белым кружевом и запахла, словно весь флакон «Шанели» на себя вылила, пеньюар нацепила, и ждёт свидания. Коровы в стойлах мычат с умиротворением, сонно. Собаки лениво брешут на ежей. Воздух тих и прозрачен.

«Камеди вумэн» местного разлива уже собрался полным

составом на лавочке у бабЛюбы перетереть последние новости, и – на боковую, после трудов праведных. А тут дядя Саша нарисовался – не сотрёшь, с миссией невыполнимой:

– Здорово, фе... ик.. ми... нистики! Всё полу... ик... ношничаете, а горшк... и... ик кому с-свистят?

– Гляди, гляди, Любань, сосед твой, – представление началось: дородную бабЛюбу пихает в бок востроноса старушка, из старых дев; из тех, что до старости Нюрочкой ходит. – Опять в стельку. И когда ж он нажрётся уже? Ничё его не берёт!

– А вам, мамзель, слова не давали... ик, – дядя Саша попытался схватить воздух за воображаемый подол руками, мол, замолкните, любезная. – Что у нас нынче... ик на п-повестке дня, кого п-пропесочи... ик... им?

Знал бы, чем дело закончится, мимо не то, чтобы прошёл, прокрался бы незаметно. А может... и нет. Дядя Саша – человек с изюминкой, непредсказуемый. Его и бог бросил разгадывать, махнул рукой.

Собрание, в общем-то, провели согласно протокола. Слегка коснулись политических вопросов по стране в целом и отдельно взятым подворьям в частности. Урегулировали вопросы религии, выразили благодарность всем родственникам участников батла, а далее баба Люба в нарушение всех регламентов перешла на личности. Отчего дядя Саша не на шутку завёлся, аж икать перестал. В корне не согласился с характеристикой.

Посиделки приобрели более скандальный оттенок, не ушёл бы Санька и не подобру, и не поздорову, когда в конце улицы раздался визг, треск, и на сцене появился бык Антиповых, с калиткой на рогах. Старушки, кто куда – в рассыпную, только галоши сверкали.

– Шевели копытами, антихрист окаянный, – крикнула из-за забора баба Люба. – Щас антиповское отродье на клочки тебя разнесёт, Сашка!

А тот застыл на дороге, глазами лупает. «Концерт окончен», – пошевелил помертвелыми губами. Так и стоял бы истуканом до роковой встречи с быком, не выскочи под ноги котёнок из кустов. Дядя Саша очнулся. «Затопчет!» – ахнул. Схватил мелюзгу за шкурку, и птицей перелетел через ограду, к бабе Любе на колени. Сбил соседку с ног, распластались в пионах, как голубки. За плетнём промчалась отчаянно мыча, поднимая клубы пыли, несостоявшаяся смерть.

Дядя Саша поднялся, кепочку поправил. Разом протрезвел, будто и не пил вовсе. Соседку – под рученьки, на ноги поставил. Платочек отряхнул, мол, сорри, мадам, я не хотел, жизнь заставила.

– А где этот бандит? – моргнула баба Люба.

– Да вон в кустах пищит. Удрал, неблагодарный, – он как-то сразу понял, о ком речь. – Кис-кис-кис! Гля-ка, заметился, ну, точно – бандит. А ты, бабЛюба, если будешь опять себя плохо вести и обзывать, то я тогда на твоей Кать-

ке женюсь. Чтоб, значит, учить тебя уму-разуму и воспитывать в непосредственной близости, – предупредил, ухмыляясь. Трезвость пришла, а вот смекалки не добавилось, подумал Сашка, глядя, как раздувается от гнева женщина, что твой капюшон у кобры.

– Ишь чё удумал, жениться! – подбоченилась та. – А женилку-то не пропил? Только подойди, только зыркни в её сторону, откручу всё, что откручивается, забудешь, как и пить, старый алкаш! – страсти снова накалялись.

– Причём тут возраст? – обиделся дядя Саша. – Я, может, мужчина ещё хоть куда, экстра-класса, спроси кого хошь. И откручивать есть что, тут ты правильно заметила. А вообще, старый конь борозды не испортит!

– Да глубоко не вспашет, – отрезала бабка. Кулаком погрозила. – Отстань, говорю. Ей Женьку поднимать надо, пацан в школу идёт, серьёзная жизнь у нас. А ты что? Всё хиханьки да хаханьки тебе, всё в бутылке дно ищешь. Какой с тебя толк? Не обижайся, Сашка, но хату спалю, так и знай, если будешь Катьке мозги пудрить! Ишь ты, кот помойный, жениться! – и долго ещё раздавалось возмущённое бормотание по двору. – Жаних выискался, на три копейки ржавый гвоздь.

Ничем бы происшествие и не запомнилось больше: быка изловили в речке, соседи спать разбрелись, обычная для деревни Пузирики история. Только утром явился к дяде Саше

непрошенный гость.

– Правда, что ль, ты на мамке жениться хочешь? – Женька склонил лохматую голову, разглядывал мужичка, словно жука диковинного. Того и гляди, в коробочку посадит и хвататься добычей пойдёт.

– Я бы – за, да только бабушка твоя на лопату меня закинет, в печи зажарит и съест.

– Я бабушке скажу – не съест, она меня слушает, – мальчонка был настроен решительно. Он подумал, подумал, бровки пшеничные наморщил, пытаясь вспомнить слова победительней. Вспомнил, очевидно, растянул щербатый рот в солнечной улыбке. – Не бойся. Вот те крест, не съест! – и взял соседа за руку.

«Ну, чё, Гагарин, долетался? Поделом будет! А не мели языком что ни попадя, когда вокруг такие сваты шастают. Вот что теперь делать?» – дядя Саша покрутил головой.

– Ладно, Жека. Поживём – посмотрим. Бабушке ты, может, скажешь, да только и мамку спросить надо, захочет ли она взамуж, – в голосе жениха появилась надежда выйти сухим из воды.

Мальчик вздохнул уныло:

– Не захочет. Ты лучше не спрашивай, так приходи.

– Без спроса не могу, я ж не ребятёнок какой непослушный. Это ж тебе не на озеро убежать купаться.

– Я один раз только убежал, – засопел Женька. – А вы

с мамкой всю жизнь вспоминаете. Не хочешь, так и скажи, тоже мне, а ещё друг, говорил.

Пацан развернулся и пошёл прочь, загребая от обиды пыль босыми ногами. Дядя Саша потёр небритый подбородок. М-да, задал ты задачку, господи. То ли пить бросать, то ли жениться.

«А и посватаюсь, – вдруг решил, – чем чёрт не шутит! Посватаюсь! Вот те крест!» – повторил он Женькину клятву и подмигнул небу.

Не влюбись в Италию

Маленькая история большой любви

Глава 1

Собираю чемодан. Предстоит месяц стажировки в Италии. Спасибо шефу, Дим Димычу, удружил за 6 часов до вылета. Но кто ж откажется? То-то.

Под ногами путается Барсик. И мама. Ходит по пятам и причитает:

– И зачем тебе нужны эти макароны? Эка невидаль! Своих полно. В такую даль, на целый месяц, к чужим людям!

– Мама! – я понимаю, женщину не урезонить сейчас, только хуже будет. Отвлекаю маневром. – Не макароны, сколько раз можно говорить, а – паста.

– Паста, – фыркает. – Это зубная – паста, или томатная! Паста... вермишель, что тут выдумывать!

Я улыбаюсь, и вылавливаю кота из чемодана:

– Нет, ты, бесспорно, самый красивый кот в округе, миру тебя стоило бы показать. Но в Италии своих полно.

– Ты только в итальянца не влюбись, – мама не уймётся.

Смирись, шепчу я себе. А вслух:

– Почему это? – я-то как раз настроилась на непродолжительный бурный роман, но ей об этом знать не обязательно. – Вообще мне там некогда будет, мама!

На самом деле, мечтаю об обратном, чтоб было «когда». Нет, не с целью выйти замуж, упаси боже! Два раза была, хватит. А вот потрянуть эмоциями, почувствовать весну в душе – самое то.

– Потому что там все с родителями до сорока лет живут, не оторвать, люди говорят. А ты влюбишься, замуж захочешь, а с таким-то долго проживёшь? А разводят десять лет, ужас!

Тааак... слышу в своей комнате хихикает сын, шестнадцатилетний оболтус. Одно ухо в игре, одно – с нами. Понятно, откуда «люди говорят» взялось. Небось распечатал для бабушки из интернета каких-нибудь «50 интересных фактов об Италии». Удружил, нечего сказать.

– И у нас таких полно, мам. А замуж я больше ни ногой, ты же знаешь.

– Ага, зарекалась коза в огород не ходить, капусту не есть, – она полезла в карман за платком. О! Значит, будет вторая часть Маппет Шоу. Ухожу в глухую оборону. В очередной раз извлекаю из чемодан kota.

– И вообще, там, – мама оглядывается. – Там мафия! Это,

как его... родина крёстного отца!

Внук, не стесняясь, ржёт в голос. Не выдержала и я.

– Мама! Ты чего! Нельзя же так! – потом, стараясь серьёзно, говорю. – На каждую мафию там свой комиссар Катани есть, честное пионерское!

– Да ну тебя, – продолжает мама. – Ты хоть со своей учёбой страну не забудь посмотреть. Там же ж такие дворцы, мосты. А Венеция! – вздохнула мечтательно. – А магазины... эх! Ищи со скидками, торгуйся, – тут она достала бумажку из кармана, читает. – Скуу-зи. Скузи, говори, синьор, дорого! И сразу не хватай всё подряд.

Наконец, всё собрано. Попрощались, наобнимались. Барсика закрыли на кухне. Такси приехало. Я выхожу на лестничную площадку, вызываю лифт.

– Доча, – мама в дверях. – Чёрт с ним, мужиком, его и сюда привезти можно. Ты это. В Италию, смотри, не влюбись! А то, что мы тут без тебя делать будем? Поняла?

Ах, мама! Твои слова да в уши господу. Я шагнула в лифт. Кричу в дверь:

– Поняла, поняла! Не влюблюсь.

Ох, и трудно будет это, чувствую.

Глава 2

Дождь ворвался в город с сумерками. Я ворвалась в номер с дорожной сумкой. Отшвырнула её, и сразу к окошку: распоследний раз увидеть Его машину. Красные огоньки прощально мигнули и скрылись в пелене воды. Уехал.

Шум ливня прервал звонок.

– Пронто! – неужели он! – бросилась я с телефоном в руках на кровать. Словно в прорубь.

– Я те дам «пронто»! Ты почему второй день не звонишь?! – знакомый голос выдернул меня в реальность.

– Маама... – выдыхаю. – Ну я же объясняла, на выходные уезжаю в Венецию.

– И что?

Действительно. И что? Я зарылась лицом в шарфик. Память моментально подсунула: вот мы стоим на Мосту Вздохов: ветер распутал ткань, обвил лицо Марио. Он смеётся. Шёлк, будто кошка, трётся о высокую скулу. Я смеюсь тоже. Чувствую кончики пальцев на талии, почти невесомое касание. Целомудрие на практике и соблазн в теории, вот и всё. Воистину дольше всего мы помним тех, с кем ничего не было, но могло бы быть. Ах, Марио! Ой, мама...

Я вздохнула. Рассказываю ей о прекрасном городе, что раскинулся на островах, о дворце дождей, о площади Святого Марко, о Гранд-канале и гондолах. О старинных улочках, до-

мах и пиццериях с волшебным ароматом. Старательно обхожу все подводные камни подробностей с кем ездила на экскурсию и как. Меньше знает, крепче спит.

– Доча, а что у тебя с голосом? Ты часом не влюбилась там в своих Палермах? – у матери глаз индейца, хватка бульдога и проницательность Шерлока Холмса. А у меня в ушах хриплое «бона сера, сеньорита», замок у озера и...

– Ой, сколько можно, ма? Парма. Я живу в Парме. Сыр пармезан, пармская ветчина. Мне обидно даже, что ты никак не запомнишь. А уезжала в Венецию, – сердце воробушкой подпрыгнуло при волшебном слове.

Щебечу, щебечу, перескакиваю с пятое на десятое, пытаюсь изо всех сил отвлечь. Рассказываю о недельных курсах в Академии «Барилла». Мол, как интересно! А она мне:

– Ну-ну. Нравится?

– Кто? – выпаливаю, прежде, чем понимаю: попалась!

– Италия, – усмехается мама.

– Очень!

Ох, мама... очень-очень. Больше, чем хотелось бы!

Глава 3

Не зря бабушка говорила, что «глаза боятся, а руки делают». Разве я не боялась лететь в чужой город? Но полетела же, на свой страх и риск. И ничего. Вот влюбиться не боялась, хотела даже, но тут осечка вышла: не влюбилась полюбила. Сердцу говорю: да не о том была мечта, а оно «плечами пожимает» и лишь сильнее стучит при имени его одном. И я вспоминаю, вспоминаю.

Пригласил на ужин. Нет, не так. Напросился на ужин. Или я? Потому что с дуру ляпнула: есть, мол, блюдо одно, о котором ты, Марио, не слышал, пусть о томатах и муке знаешь всё, и даже сверху. Не может быть брови домиком. Вот и договорились. А я потом полдня, измученная жарой, несвоевременной хозяйственностью и злостью на свой язык искала манку по всей Парме. Самую лучшую. И маму всеу поминала.

Ах, ты, господи: нас же можно было читать как открытую книгу. Я пританцовываю на кухне: обдаю помидоры кипятком, снимаю кожицу, режу на дольки. Марио через плечо заглядывает, прогоняю: рано, нельзя ещё, секрет фирмы. – Что? – удивляется-улыбается. Я пунцовею: ветер по шее гуляет от его дыхания:

– То! – хихикаю глупо.

Помидоры на оливковом масле томятся, сок пускают. Я колдую: чеснок, соль по вкусу, сахара чуть больше, перец чёрный, молотый. Наконец, черёд крупы. Щепоткой сыплю. «Сколько влезет, внучка, но меру знай», учила бабушка. Манка в помидорах разбухает, сердится. Моё зелье начинает сердито булькать и лопаться. Огонь тише делаю и требую у Марио зелени, всю, какая есть, какую любит.

Уши у меня, как у рыси, торчком: слышу каждое его движение за спиной. Звякнули столовые приборы, бокалы. Я резко оборачиваюсь – ну точно!

– Ты ещё шоколад и клубнику со сливками поставь, – саркастично ухмыляюсь я. А в душе – святой Иларий, только не это! Не хочу разочарований.

Марио бледнеет. Потом хохочет:

– *Si, signorina!* – схватил горячей ладонью, и – к холодильнику. Гостеприимно распахнул нет ничего такого. Мол, я не я, и дворец не мой, и в мыслях не было. До чего же с ним легко!

– *Si*, – кивает уже серьёзно. А где-то на дне зрачков пляшут чертенята, не может с ними совладать. Открывает морозилку: мороженое! Ванильное, фисташковое... клубничное! Тут уж и я рассмеялась: да всё с нами ясно великие соблазнительницы. Я, значит, с помидорами, и он с десертом.

Мне бы догадаться, что спустя месяц и одну неделю бу-

ду ругать себя, ожидая рейса в Россию: «хватит воспоминаний». Этих ли, других. В аэропорту это равно нить. Бабушка ещё говорила: лучше думать, как хорошо, что он был со мной, нежели как плохо мне без него. Права на все сто. Но только и делаю, что вспоминаю. Лучше бы я Италию влюбилась.

Глава 4

«Все помидоры подъедены», спел бы Александр Васильев, будь он на моём месте. Тишина в холодильнике, и я должна умереть. Вино, кстати, выпито. А я сбежала в коридор. Предварительно затребовала от Марио такси (мне надо домой и прямо сейчас), зонт (дождь на дворе) и босоножки. Я их зачем-то сняла, глупая женщина.

Прислонившись к дверям, пытаюсь застегнуть обувь. Все эритроциты, а, может, вино, атаковали лицо. Чувствую, что Марио разглядывает меня, и его недоумение растекается туманом по квартире. Так моё не меньше, хочу воскликнуть и развести руками. Почему-то женская интуиция именно сейчас взбрыкнула и решила, что не видать итальянцу моего комиссарского тела. Видите ли, чувствует диссонанс. Не иначе маменька порчу навела в России.

– Почему? – тихо спрашивает он. – Я обидел?

– Нет! – что сказать? Что всколыхнулась заварка души, на поверхность неожиданно всплыли чайники-комплексы и страхи все, какие есть?

– Ты не хочешь меня?

О! Да что ж я не знала, зачем шла? Ох, уж эта европейская прямолинейность! Я, наконец, оторвалась от застёжки и подняла голову.

– Я боюсь, – на тебе тоже: прямо и честно. – Боюсь.

– Я тоже.

Не знаю как, но со скоростью вампира точно, очутился рядом. Так близко, что губы касаются волос.

На секунду кажусь себе лошадьё, которую цыган схватил за уздцы. Нашептывает коварный конокрад, в ладони сахар, а сам норовит увести с конюшни. А я такая вся фыркаю, прядаю ушами и кошу глазом. Серым. Хоть смейся, хоть плачь. И не знаю, то ли мне зонтиком Марио стукнуть от отчаяния, то ли упасть в объятия?

– Такси! – я схватила трезвонящий телефон. Выбегаю, ноги дрожат, подворачиваются. Несусь по лестнице зонт свистит.

– Подожди, – кричит, и, чёрт возьми, догоняет. Плюхается рядом в машину. – Провожу тебя, несносная русская женщина. По интонации понимаю, улыбается.

Машина несётся по ночной Парме. Я считаю фонари. Молчим.

Он просит таксиста постоять 5 минут и выходит вместе со мной. У входа останавливается и хватает за руки. Жжётся взглядом. Я таю. «Под огнём пулемёта должен же растаять хоть кто-то».

Я буду ждать, говорит едва слышно, скорее догадываюсь о сути, и целует пальцы.

Поднимаюсь к себе. Гоню мысли прочь о расстроенном

Марио. Стараюсь унять слёзы и злость на свой дурацкий характер. «Тот самый случай, шепчет противный внутренний голос, когда нужно всё, или ничего. Всё не светит, значит...», я не в силах повторить это ужасное слово «ничего». Открываю дверь и буквально вваливаюсь в тёмную квартиру.

Мне бы день простоять да ночь продержаться. Спасти. Но как это сделать в Италии?

Глава 5

– Ну, и как там твоя Парма? – ага, на ловца и зверь бежит: я час не могу заставить себя позвонить и сообщить маме важное решение. У неё ж, видно, душа материнская чувствует, что пора. Самое время набрать мой номер.

– Стоит на месте, – бодро рапортую первоклашкой у доски. Рассказываю о 100 видах пасты. Мол, ещё 20 осталось узнать, и всё такое. А способы производства э-гей-гей, изучать-не переизучать!

– И кто он?

Ну, знаете, так тоже нельзя: эффект вопроса не по теме на экзамене. Когда всего один билет выучил и тот забыл.

Пауза.

Мама, конечно, воробей стреляный, её на пасте не проведёшь. Но и я дочь Штирлица, она сама говорила.

– Представляешь, вилку, оказывается, в Неаполе придумали, да, – продолжаю ровно.

– Доча, опомнись!

Она волнуется, понимаю. Но ведь:

– Мне 40 лет, ма. Я разберусь, ладно?

– Тебе – 44. Ты уже дважды незамужем. Самолёт через два дня. У тебя сын, между прочим! Намечтаешь сейчас себе... Ты ж его не знаешь! – женщина завелась, чую, не по-детски. Репетировала, что ли?

Пока я раздумывала, мама уже ускакала в прерии душевных переживаний.

– Он, может, маньяк какой. Или бандит. Вот я Дим Димычу уши надеру, за такую учёбу, честно.

– Ему нельзя, он начальник, – быстренько напоминаю я.

– Он твой одноклассник, – парирует мать.

О, шефа надо предупредить об опасности. Особенно после того как:

– Я остаюсь в Италии на 7 дней. Отпуск за свой счёт. Экскурсия по побережью.

С той стороны тишина. Пока мама приходит в себя, я подхожу к окошку. Меланхолично разглядываю жёлтые дома, зелёные ставни. Цветные клумбы на подоконниках. На углу синий автомобиль. Возле него какой-то тип в белой рубашке нервно меряет шагами тротуар. Стоп! Сердце подпрыгнуло и ударило по нёбу, аж дыхание перехватило. Что значит какой-то? Это ж Марио! Почему он здесь?

– Всё, мам, пока!

Звонок в дверь совпал с окончанием разговора. На цыпочках крадусь ко входу. С той стороны нетерпеливо уже тарабанят. Я не выдерживаю и распахиваю дверь.

– Ну? – с порога вопрошает Марио. Ты скажешь мне своё, положительное «нет»?!

– Конечно, скажу! – со смехом бросаюсь на смуглую

шею. – Конечно, нет: я поеду с тобой на море!

– Ты становишься итальянкой, – улыбается он.

Глава 6

– Слушай, Завьялова, а давай я тебя с челом одним познакомлю, что ты всё одна да одна, – предложил за месяц до отъезда Дим Димыч.

На правах бывшего одноклассника и нынешнего начальника может себе позволить. «Поставить ногу на грудь», как поётся. Шеф из тех людей, которым легче дать, чем объяснить, что не можешь, и вообще, ваша пятка мешает мне дышать. Но я по инерции сопротивлялась:

– Держите ноги при себе, Дмитрий Дмитриевич, не надо трогать ими мою хрупкую душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.